

Северная деревня и ее люди, их исторические судьбы, их прошлое и настоящее — таков круг тем вологодского прозаика и поэта Александра Яшина. Писатель умер, оставив на рабочем столе повесть «Устинья» (другое название — «Баба-Яга»). Героиня ее — всеми покинутая старуха, доживающая свой век на острове посредине озера. Устинья — жертва старой доореволюционной деревни, а также кривых человеческих пересудов и дурной молвы, докатившейся до наших дней. Однако одинокая женщина остается не сломленной, сохраняет гордость и человеческое достоинство. Писатель работал над повестью в начале 60-х годов, но актуальность ее темы сохраняется по сей день. А. Яшин не только с глубоким сочувствием рисует героиню; в его повести ощущается искренняя заинтересованность в светлом завтрашнем дне родной вологодской деревни.

«Литературная Россия» знакомит сегодня своих читателей с фрагментом повести Александра Яшина «Устинья».

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ колхоза даже обрадовался, когда деревня Отшибково перестала наконец существовать. Всего десяток хозяйств на небольшом островке посреди озера, оторванных от большой земли, — какая же это деревня?! Самостоятельную бригаду там организовать было нельзя, мост к ним не построишь, сселиться предлагали на центральную усадьбу — не соглашались; что было с ними делать, как их укрупнить? А без руководства не оставишь. И вот, почитай, раза два в неделю выгребал председатель к ним на лодочке через все озеро, чтобы присмотреть за землей, за сенокосами и дать нужные распоряжения и указания. Трудная была деревня, сплошной хуторской пережиток. И хорошо, что самоликвидировалась, забот меньше.

...Одни из молодых уехали на строительство Череповецкого металлургического комбината и там нашли свое счастье. Другие окончили техникумы, училища, институты и ныне работают в местах, куда направили их по разнарядке. Были девушки, что вышли замуж за парней из соседних деревень либо за военных и кочуют вместе с ними по всей земле. Из стариков и старух кое-кто перебрался на жительство к своим сыновьям и дочерям на новые пристанища, а большинство благополучно дождалось своей смерти у родного порога, на своей печи...

В одном только доме теплится еще жизнь. Обитает в нем неорганизованная старуха, лет семидесяти пяти, крепкая и ядовитая, как мухомор. Умирать не хочет и не переселяется никуда. В колхозе она состоит, но какая уж это колхозница? Законов ничьих признавать не желает, на собрания не ходит, ни за кого никогда не голосует, правда, и пенсии не требует, как некоторые, зато уж и работать ее не заставишь, — лучше не трогать и близко не подходить.

Как же она живет, чем питается божья раба? Может, кто-нибудь из родных со стороны посылает на хлеб, на соль? Нет! Никто ей ничего ниоткуда не посылает. Да и нет у нее никого — ни сыновей, ни дочерей, ни внуков, ни правнуков. И не было никогда. Есть будто бы сестра где-то. Но сестра ли это ей?

А живет раба божья неплохо. Коровы у нее нет. Зато есть коза и семь овец. От козы молоко — много ли одной старухе молока надо? А овцы — это и мясо, и шерсть на валенки, на пряжку и на полушубок. Для себя хватит и на хлеб-сахар остается... Есть у старухи еще куры и гуси, а сколько их, она, верно, и сама не знает. Весь остров в ее руках, кругом только ее владения, бродят овцы и куры по всему острову, плавают гуси по озеру, никто им не указ, других хозяев на этом пятачке нет.

Но главное богатство у старухи — лодка. Давно уже не осталось ни у кого в личном пользовании ни одной рабочей лошади. А лодка — чем не рабочая лошадь? Больше того, настоящая живая лошадь на острове даже не нужна, а без лодки здесь никуда. Свой приусадебный участок старуха вспахивает лопатой, зачем ей плуг, зачем тягловая сила? А без лодки она была бы отрезана от всего мира. Лодка для нее и транспортное средство, и орудие производства — на лодке старуха рыбу ловит. Конечно, в приозерных селениях в каждом доме по лодке, только надо признать, что во всем колхозе нет другой такой лодки, которая бы не протекала. А у старухи не протекает — у старухи лодка всегда ухоженная — залапанная, проконопаченная, просмо-

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО И ЗАБЫТОГО

Александр ЯШИН

ленная, можно сказать, как новенькая всегда. С такой лодкой что ей не жить. С такой лодкой старуха может протянуть еще сто лет. Она даже не дряхлеет — как состарилась однажды, так и держится...

Председателю колхоза одинокая старуха на острове была явно не по душе. Его раздражало, что никогда не обращается она к нему ни с какими просьбами, ничем не докучает, что приусадебный участок у нее тоже ухоженный, разделанный, удобный — ни сорняков, ни беспорядка, а урожай такие...

Звали эту одинокую старуху Устиньей. Но за глаза, с легкой руки председателя колхоза, все называли ее Бабой-Ягой. Должно быть, многим не была она по душе, если такая злобная кличка пристала к ней сразу и навсегда.

Штормовая погода на озере не редкость. Ни с того ни с сего на тихой синей глади появляется мелкая рябь, словно вдруг задрожит все озеро от предчувствия беды, суматошно побегут в разные стороны ветровые дорожки, одна, другая, третья, то расширяясь и удлиняясь, то свертываясь, мечутся они, скрещиваются, как на росстанях, то в одном, то в другом месте. Потом сразу навалится ветер с берега, пригнет деревья и начнет баламутить воду, набивать белую пену, словно намыленное белье прополаскивает. В такие часы рыбаки на озере не задерживаются, убирают сети, сматывают удочки и спешат к надежной земле. Не раз бывало, что после шторма находили где-нибудь в прибрежных кустах разбитую лодку, и только после выяснилось, какой рыболов не отнесся с должным уважением к крутому характеру незнаменитого и небольшого, но очень капризного озера.

Свистит ветер, пронизывая насквозь камыши и кустарники, доламывает старые ветряные мельницы вблизи деревни Канашкино. А на берегу стоят председатель колхоза Павлухин Парфен Иванович с мотористом Веточкиным и ругаются, что не добрались куда хотели, пришлось высидеть и переждать штормовой налет. Лодка была далеко не новая, а мотор сильный, с таким мотором она даже без волны постанывала и потрескивала — того и гляди разлетится по швам. Еще бы несколько минут — и завернули бы за острова, на плес, в сторону деревни Борок, где наверняка тихо, где ветер дует с другой стороны. Да ведь и председатель колхоза не все предусмотреть может...

Парфен Иванович был в кожаных сапогах с галошами, в сером габардиновом пальто-плаще и в серой шляпе. Среднего роста, полноватый, но здоровый, не рыхлый, с лицом красным, словно обожженный кирпич...

Моторист Веточкин, молодой плутоватый парень, одет был просто: промасленный ватник, заменявший ему летом и зимой рабочий комбинезон, такая же промасленная кепка и резиновые сапоги, пригодные на озере на все случаи жизни: в них он работал, в них рыбу ловил и в них же го вечерам ходил на гулянки к девушкам.

Парфен Иванович ругался, нервничал, и соответственно с его настроением полы габардинового пальто раздувались, трепетали по ветру. А моторист Веточкин молчал — знал свое место.

Но вот оба они повернулись в одну сторону, всмотрелись в бурную озерную гладь и переглянулись.

— Видели, Парфен Иванович? — с удивленным спросил Веточкин.

Павлухин не сразу ответил, чтобы не произносить незначительных слов. А помолчал, промолвил:

— Видал. Баба-Яга — она и есть Баба-Яга.

— Ей бы летать на помеле, Парфен Иванович! — хитровато подмигнул Веточкин.

— Если бы не лодка, обязательно бы летала на помеле. А, впрочем, кто ее знает... может, и так... Ведь не увидишь. Куда же она? А может, это не она?

— Она! Никто, кроме нее, в Отшибкове не живет, людей на острове нет.

УСТИНЬЯ

Издали хорошо было видно, как от безлюдного острова отчалила лодка. Сухопарая старуха в платке, сидевшая на веслах, то сгибалась в три погибели, и тогда концы весел мелькали над гребнями волн, то резко откидывалась назад. Она гребла, по-видимому, с большим напряжением. Но все ее движения, все ее усилия, казалось, не влияли на поведение лодки. Женщина делала одно, лодка — другое. Движения Устиньи были ритмичны и строго осмысленны, они подчинялись определенным законам целесообразности, а лодка прыгала с волны на волну, вверх, вниз, кренилась то на левый борт, то на правый, словно она только и ждет случая, чтобы перевернуться и навсегда исчезнуть в кипящем котле.

— Вот чертова женщина! — восхищенно воскликнул Павлухин. — Ведь семьдесят пять лет, а хоть замуж выдавай. Куда ее несет в такую штормягу, кто ее гонит? Переждала бы...

— В бурю, Парфен Иванович, нечистой силе завсегда не сидится на месте. А кто ее несет, куда гонит — давно известно. Об этом мы еще в школе читали: «Сколько их, куда их

— Я слышал про это.
— Значит, не рассказывать?
— А ты сам видел?
— Все от начала до конца этими глазами.

— Рассказывай!
Мотористу совершенно неважно было, слышал Парфен Иванович про эту историю с Устиньей или не слышал, ему хотелось рассказать обо всем самому.

— Вот, значит, вышла Баба-Яга из своего дому и села в лодку. А на озере лед не лед — каша. Только отчалила от острова — газанул ветер. Ну, не такой, как сейчас, послабей, но ветер. И развернуло ее, бессмертную, вокруг своей оси и потащило в кювет, вон к тому берегу, в камыши, вместе с кашей. Стала она отбиваться, стала выгребать, а лодку прет юзом прямо в камыши. Чем больше она гребет, тем хуже: на веслах замерзает лед, не весла уже, а колотушки. Казалось бы, хорошо — к берегу несет. Хорошо, кабы к берегу. Но у берега камыши, а в камышах — каша. Ни выскочить нельзя, ни назад, обратно, не выбраться. А на берегу народ празднует. Сбежались к камышам: Бабу-Ягу во льду затерло, сейчас тонуть



гонят...». Наверно, захотела попить чайку, а сахару в сахарнице не оказалось, ну и давай в магазин за три километра по озеру. Либо наловила много рыбы, а соли нет...

— Чертова женщина! — повторил Павлухин.

— Да уж точно — чертова баба! А скорей всего, она душу свою тешит. Ей нужно, чтобы не качало. Она не может, чтобы не качало.

— Сильная женщина, — сказал Парфен Иванович.

— Могуца! — подтвердил Веточкин. — Мотор! Вы знаете, как она тонула? Годов пять уж прошло...

— Не слышал.

— Быть не может. Об этом все знают.

— Я говорю, не слышал.

— Где же вы тогда пребывали, Парфен Иванович? Ведь только пять годов прошло со времени этого приключения. Состоялся здесь какой-то праздник. Какие у нас старинные праздники осенью бывают?

— Я же не знаю.

— Религиозный какой-то, древний. Вот, значит, захотела она на праздник выйти. Наверно захотела, удержу нет. А на озере лед не лед — каша. Не все в тот день решились в озеро лезть. А она села в лодку и сломя голову взялась за весла. Одна!

— Я слышал про это! — остановил его председатель. — Она же не утонула!

— Она, конечно, не утонула. Но ведь четыре часа сидела, затертая льдом.

будет. Стоят все, шумят, ждут, когда Баба-Яга кричать будет. А она не кричит. Она не обращается к народу. Серафан на Бабе-Яге праздничный, странный, кофта какая-то с воланом, да с оборками, полушалок шерстяной, черный с красными цветочками, все заледенело.

«Лодка-то крепкая у нее, не трепнет?» — спрашивают. «Крепкая лодка, выдержит, наверно». — «Ну, тогда ничего, пуцай посидит». Я тогда смотрю на нее с берега, думаю, мочь бы надо. А никто не помогает. Да и как ей поможет?

Стала Яга разгребать ледяную массу руками, весла уже не поднимались, круглые стали, как культячки. Схватилась она за камыши и подтягивает и выкарабкивается вместе с лодкой все в сторону от берега. Это она правильно решила, что надо в сторону от берега. К берегу не выберешь только на чистую воду надо. Работает она так — не то замерзает, поспине вся, не то вспотела, не поймешь. Час проходит, два часа проходит. Людям уже скучно стало. Расходиться начали. А были и терпеливые, стоят на берегу, сами на ветру мерзнут и советуют, как и что делать, чтобы не утонула. Кричат ей, мол, выгребай добра желают, а Баба-Яга только шипит, согнувшись, чуть не носом расталкивает.

Знаете, Парфен Иванович, жалко было ее, все-таки старуха. И страшно было: а вдруг она и вправду Бабу-Яга, вдруг да рассердится, в гнев выйдет... Это же не в сказке. Тут живые люди на берегу. Мне показалось, что у нее глаза сверкают, огнем горят. Но ничего, все обошлось благополучно.



ГРИГОРИЙ МЯСОЕДОВ



Г. Г. МЯСОЕДОВ. «Автопортрет». 1867—1870.

17 ноября исполняется 225 лет со дня основания Академии художеств. Долгим может быть перечень ее воспитанников, чьи славные имена вошли в историю отечественного искусства. В недрах Российской Академии художеств, хотя и в споре с нею, выросла яркая плеяда передвижников — многим из них суждено было впоследствии вернуться в ее стены профессорами и воспитывать новые поколения мастеров. Об одном из дерзких сынов Академии — Григории Григорьевиче Мясоедове — этот рассказ.

РЖАНОЕ поле уходит вдаль, за раму полотна. Тугие, спелые колосья ждут не дождутся звонкой песни кос. Синь васильков и белые лутики ромашек разнообразят цветовую гамму. И желтизна несхоженного поля... А весь первый план большого горизонтального холста Григория Мясоедова «Косцы» отдан бунтующей зелени чертополоха. И небо, и поле выписаны художником обстоятельно и эмоционально, со вкусом пристрастного пейзажиста, но центральная идея полотна связана с образами косарей и жниц. Вдохновенны и легки их фигуры с сосредоточенными и радостными лицами. Уборка урожая! Какой еще момент в жизни крестьян может сравниться с выходом на покос. Праздничная атмосфера царит в картине Григория Мясоедова, стройной по композиции, задушевной по интонации.

Взгляните на главного героя произведения, этакое Микулешку Селяниновича в венке из хлебных колосьев! Хорош! Какая стать, сколько удал во всем его облике! Здравьем и крестьянским добродушием веет от его загорело-бронзового лица с окладистой внушительной бородой. Как тут не воскликнуть:

*Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!
Ты пахни в лицо,
Ветер с полудня.*

Не знаю другого художника, создавшего такой впечатляющий крестьянский образ. Даже сам Мясоедов, попытавшись повторить себя, потерпел поражение. Его более поздний «Сейтель» — лишь бледная копия живого, динамичного, выразительного полотна «Косцы» (в каталоге передвижной выставки картина поименована «Страдная пора», еще ее называют «Страдой»).

Картина демонстрировалась на XV передвижной выставке. Это был 1887 год. Трудное время для передовых русских художников. В этот год умер их вождь Крамской. Да и вообще немногие из передвижников лучших времен смогли выставиться на XV выставке...

В истории русской живописи второй половины минувшего века Григорий Григорьевич Мясоедов сыграл очень заметную роль. Талант его скромнее, нежели у таких блестящих мастеров, как Крамской, Куинджи, Васнецов... Но этот мужественный человек честно, до конца служил России, ее великому искусству и многострадальному народу русскому. Прочитывая жизнь этого художника, понимаешь, какую нелегкую задачу взвалили на свои плечи те, кто сплотился под знаком Товарищества передвижников.

Живущий под жарким солнцем Флоренции, развалинами храмов и росписью старых церквей, еще напоминавшей о далекой эпохе Медичи, погруженный в работу над картиной «Фран-

ческа да Римини и Паоло да Паоленто», пенсионер Российской Академии художеств Григорий Мясоедов раздумывал о бедственной судьбе своих собратьев в России, их творческой несвободе, зависимости от денежного мешка. Русским художникам надо объединиться, как это уже сделано в Европе! Горючая мысль свою Мясоедов привез в Россию. И, брошенная в добрую почву, она дала прекрасные всходы.

В период возникновения Товарищества Мясоедов был автором нескольких значительных произведений, среди которых умиротворенно-сентиментальная картинка академического периода «Поздравление молодых в доме помещика», в общем-то, красочная по колориту, симпатичная по технике исполнения, и менее удачное «Флорентинское» полотно, впрочем, завершленное в Париже. — «У чужого счастья» (второе название «Две судьбы»).



Фрагмент картины «Косцы». 1887.

Но в первую очередь следует назвать картину «Бегство Григория Отрепьева из корчмы на литовской границе». Сюжет этого конкурсного академического полотна (автора удостоили большой золотой медали и права поездки на шесть лет за границу) Мясоедов нашел у Пушкина, в его «Борисе Годунове».

И все же главной в творчестве Мясоедова была крестьянская тема, которой он оставался верен всю жизнь, несмотря на то, что уходил в историю живописи, то испытывал пристрастие к пейзажу. Выше уже говорилось о картине «Косцы», удивительно поэтичным произведением художника. Задолго до нее, на второй выставке передвижников, Г. Мясоедов показывал хрестоматийно известную теперь картину «Уездное земское собрание в обеденное время». Позднее картина демонстрировалась в Москве под привычным для нас заглавием «Земство обедает».

Каждый, наверное, помнит этот раскаленный день в уездном городе. На фоне каменной стены богатого дома расположилась группа мужиков. Только что они обсуждали крестьянские вопросы «наравне» с господами в комнатах этого дома. Но вот наступило обе-

денное время. Сидят мужики в сермягах и лаптях, погруженные в долгие мрачные думы, жуют нехитрый хлеб с луком, идут, пока отобедают господа. Кто между собой переговаривается, кто даже прикорнул здесь же... Хороша по колориту эта картина. Краски умеренны, под стать содержанию полотна. Старательно выписаны лица мужиков. В них светится грусть, раздумье, усталость. Каюто умное лицо у крестьянина, прислонившегося к стене дома. А этот, на крыльце, — как глубоко переживает он свое бездействие! Дома, видать, жена хворая, детишки мал мала меньше, работать нелегко... Мужики понимают, что никому не нужны их мнения, господа все решают сами. А как радовались в деревне, посылая выборов в земство! Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

Мясоедов подчеркивал антидемократизм крестьянского реформы 1861 года. О каком равенстве мужиков с властью имущими в решении крестьянских вопросов может быть речь? Пыль в глаза!

Картину «Чтение манифеста 19 февраля 1861 года» художник наполнил такими же гневными интонациями, что и «Земство обедает». В старом сарае на соломе уединились мужики, слушая деревенского грамотея-мальчика, читающего по слогам правительственный манифест об «освобождении» крестьян. Солнечный свет, проникающий в дверь, заветную каким-то старым, ложится неширокой дорожкой, переместившей центр композиции вправо. Ярко-желтая солома словно просвечивает изнутри. И в центре этого света мальчик, читающий газету. Лица слушателей — на первый, не слишком усердный взгляд — кажутся завороченными чтением, что дало возможность реакционерам всех мастей поднять на шит картину Мясоедова, назвав ее одой освобождению крестьян. Ода? И это-то после «Земства»? Все не одушевление на лицах. Как и в «Земстве», здесь раздумье, усилие постичь замысловатые строки, недоверие и даже откровенное пренебрежение. Удивительно хорошо написан Мясоедовым старик справа от чтеца. Окладистая борода, всклокоченные волосы, во взгляде скорее хитрость и лукавство, словно он что-то знает и не терпит его об этом рассказать.

Антиправительственная сущность и этого произведения Г. Мясоедова очевидна.

Параллельно с крестьянской темой, пересекаясь с ней в каких-то важных точках, в богатом творческом наследии Мясоедова заметна тяга художника к пейзажной живописи. В многочисленных этюдах, небольших пейзажных зарисовках он запечатлел пронзительную красоту родной земли: элегичность осеннего вечера, осенний расчер жару или мрак, летящих к югу, скромность полевых цветов, мягкие краски заката. Из всех времен года он возлюбил осень и писал ее часто, с каким-то упоением.

Но здесь я вспомню любимый мой пейзаж у Мясоедова, писанный в 1890 году. — «Весной». На вертикально поставленном холсте художник изобразил уголок старинного сада в своем полтавском имении. В эти годы его особенно влекли контрасты

света и тонов. Имми художник пользовался в картине «Весной», чередуя свет и тени богатой красками палитры. Яркая зелень на первом плане ныряет, проваливается во мрак, еще сопротивляясь, даже высвобождаясь по центру холста, ложась световым пятном на середину пруда, чтобы затем окончательно погаснуть, переместившись на задний план, уходящий в глубь полотна.

Рассказывая о Григории Мясоедове, я обращаюсь лишь к его полотнам, многие из которых хранятся в запасниках художественных музеев, изредка обретая места на выставках его произведений, но хочется же знать, каким он был, художник. Красив ли? Статен? Необычен? А помните картину И. Е. Репина «Иван Грозный и сын его Иван»? Помните искаженное ужасом лицо царя, в припадке гнева убившего своего сына? Это — Мясоедов. То есть Илья Ефимович писал царя, в припадке гнева убившего своего сына? Это — Мясоедов. То есть Илья Ефимович писал царя, в припадке гнева убившего своего сына? Это — Мясоедов. То есть Илья Ефимович писал царя, в припадке гнева убившего своего сына?

Мясоедов художником стал вопреки всему. Вопреки отцу, обедневшему помещику, видевшему в сыне нечто совершенно иное. Вопреки нищете, когда приходилось золотить верхушки пряников, чтобы не умереть с голоду. Вопреки самому себе, терявшему порой веру в единственность своего призвания.

Среди передвижников лучших времен жизнь Григория Мясоедова была, пожалуй, длиннее многих. Правда, на склоне ее он уже не написал ничего значительного. Его широкие по замыслу полотна («Пушкин и его друзья слушают Мицкевича» и «Чтение «Крейцеровой сонаты» А. Н. Толстого») были слишком громоздки, декоративны. В исторических типах не было той правды, которую радовали мясоедовские мужики в «Земстве» и «Манифесте».

Разойдясь во взглядах с Товариществом, отказываясь привлекать «младое, незнакомое» племя художников, пришедших в его ряды, Григорий Мясоедов последние годы жизни жил одиноко и строго в своей усадьбе Павленки близ Полтавы. Пока мог, писал портреты малороссийских крестьян, дивную природу Полтавщины, выращивал прекрасные цветы в своем саду. А 17 декабря 1911 года художника не стало.

Вспоминая Григория Григорьевича Мясоедова среди тех, кто принес славу нашему великому искусству второй половины минувшего века, благодарный потомок найдет в своей душе место для его замечательных полотен.

Валентина ЛЕВОЧКО
КИРОВОГРАД

но. Ветер стих, и старуха сама выбралась из камышей. Нам прямо легче стало. Думаем, сейчас поплывет обратно на свой остров, обсыхать станет. А она, как только на чистую воду выгрелась, так и повернула к берегу, опять к берегу, только подальше от камышей. Тут мы и увидели, что она синяя вся. А глаза, и верно, горят.

— Водки! — хрипит. — Дайте водки. Намучилась, — говорит.

— Все? — спросил Парфен Иванович.

— Как же все, Парфен Иванович? Вон как ее качает, видите? Другая бы на ее месте после такого случая и в лодку больше не села.

— Родных у нее в деревне нет, что ли?

— Нигде никого нет. А вы про ее жизнь слышали?

— Слышал.

— Значит, не рассказывать?

— Не рассказывать.

— Еще удивительно, почему она вдруг на праздник захотела. Не любит она бывать на народе, особенно в праздник. И людей не любит...

— А где ты видел Бабу-Ягу такую, чтобы она людей любила? — спросил председатель.

— Это точно. В праздники, когда люди вышивают, они спрашивать охоты да вспомнить. А Устинья не любит, когда ее спрашивают о чем-нибудь да вспоминают про ее житье-бытье. Не рассказывать?

— Я уже сказал — не рассказывать.

Пока они разговаривали, лодка Устиньи ушла далеко в озеро. Ее все так же раскачивало и кидало в разные стороны, но продвигалась она все-таки в одном направлении.

— В магазин отправилась, в Карлпки. — констатировал моторист.

— Да! — согласился председатель.

Погода начала успокаиваться. Здесь это происходит так же быстро, как быстро поднимается волновая суматоха.

— Поехали, — сказал Парфен Иванович. — Баба-Яга за нас работу нашу не сделает.

— Да, можно ехать. Можно было и не приставать к берегу. Все-таки это еще не волны.

Они забрались в лодку и оттолкнулись от берега. Председатель уселся на скамейку, подобрал полы габардинного плаща, а моторист рванул за веревку стартовый маховичок и, когда мотор заработал, стоя взялся за рулевое весло. Рулевое устройство на самодельной моторке напоминало рулевое бревно на плоту, ручка от него, длинная и толстая, поднималась высоко над лодкой, и держать ее можно было только стоя. Поэтому моторист в лодке всегда стоял, а Парфен Иванович сидел. Так и полагалось выезжать на озеро с начальством.

Лодка круто развернулась и легко пошла вразрез волне. Ветер еще дул, и качка еще была, но уже незначительная.

— Может, догоним ее? — спросил вдруг Павлухин.

— Кого? — встрепенулся Веточкин и удивленно взглянул на председателя сверху вниз.

— Устинью.

— Бабу-Ягу?

— Да.

— Догоним, Парфен Иванович, это нам ничего не стоит. Механизация!

— А зачем? — так же неожиданно спросил Павлухин.

— Значит, не будем догонять! — ответил моторист.

— Не будем, Борис! — в первый раз назвал он Веточкина по имени. — Лучше зайдем к ней на дом как-нибудь.

— А зачем? — спросил на этот раз Веточкин.

— Там увидим. Может быть, и нечем.

Сказал это Парфен Иванович и задумался: действительно, зачем? Сама она в контору ни по какому делу не обращается. И правильно! Зачем же напрашиваться на возможные неприятности? Женщина она грубая, резкая. Еще скажет что-нибудь не так. Обидеть может. Живет себе и пускай живет. А как живет? Чем живет? Что у нее на душе? Может, она вовсе и не Баба-Яга, а человек? Кто ее знает... А человек к человеку заходить должен. Надо зайти...

Публикация З. К. ЯШИНОЙ